

УДК 349.3
ББК 67.405.2

Medvedev Andrey Valeryevitch,
candidate of law, associate professor
of the department of social law,
state and municipal service
of the Urals State University of law,
Ekaterinburg,
e-mail: Medwedewa.catia2011@yandex.ru

Медведев Андрей Валерьевич,
канд. юрид. наук, доцент
кафедры социального права,
государственной и муниципальной службы
Уральского государственного юридического университета,
г. Екатеринбург,
e-mail: Medwedewa.catia2011@yandex.ru

РОЛЬ ПРИНЦИПОВ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ ПРИНЦИПОВ

THE ROLE OF THE PRINCIPLES OF SOCIAL SECURITY LAW IN IMPLEMENTATION OF THE CROSS-SECTORAL PRINCIPLES

12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения
12.00.05 – Labor law; social security law

В рамках настоящего исследования анализируются проблемные вопросы, связанные с развитием системы принципов права социального обеспечения, в том числе в контексте их роли в реализации межотраслевых принципов. Рассматриваются отдельные аспекты, связанные с формированием системы межотраслевых принципов, выступающих основой современной системы принципов права социального обеспечения. Наряду с этим автором сформулирован перечень основных принципов, сформировавшихся за период с 1991 года по настоящее время. Обращается внимание, что принципы права социального обеспечения выполняют огромную роль в правовой регламентации социально-обеспечительных отношений, выступая руководящими идеями.

In the framework of the present research the problematic issues related to development of the principles of social security law are analyzed, including in the context of their role in implementation of interdisciplinary principles. Individual aspects related to formation of the system of the inter-branch principles are examined, which form the basis of the modern system of the social security law principles. Along with this, the author formulated the list of basic principles that were developed from 1991 till now. Attention is drawn to the fact that the principles of social security law perform a huge role in legal regulation of social-security relations serving as the guiding ideas.

Ключевые слова: право, право социального обеспечения, социальный, социальное обеспечение, принципы права, принципы права социального обеспечения, социальная защита, социальная политика, межотраслевые принципы, адресность.

Key words: law, social security law, social, social welfare, principles of law, principles of social security law, social protection, social policy, cross-sectoral principles, targeting.

Проблемные вопросы, связанные с ролью принципов права социального обеспечения в реализации межотраслевых принципов, в настоящее время мало изучены в научной и учебной литературе. Одновременно специальные исследования вопросов взаимопроникновения межотраслевых и отраслевых принципов в праве социального обеспечения также отсутствуют. В то же время регламентирующая роль межотраслевых принципов для системы социального

обеспечения и права социального обеспечения достаточно велика, так как именно ключевые идеи межотраслевого значения выступают основой для смежных отраслей права и законодательства. В этом смысле идет процесс «внутреннего имплементирования» межотраслевых принципов в содержание руководящих идей социального обеспечения и права социального обеспечения.

Все вышесказанное предопределило **актуальность** при выборе проблематики исследования, так как без обращения к основным межотраслевым принципам невозможно дать полную, объективную и беспристрастную оценку существующей системе принципов права социального обеспечения.

Более того, именно принципы права социального обеспечения зачастую выступают «проводниками» основных межотраслевых принципов российского права, в том числе в ключе достижения основных конституционных положений о демократическом и правовом государстве. С учетом этого можно констатировать процесс взаимопроникновения и взаимообусловленности межотраслевых и отраслевых принципов.

Целесообразность изучения вопроса о роли принципов права социального обеспечения в реализации межотраслевых принципов подтверждается не только актуальностью выбора темы, но и тем, что формирование законодательства о социальном обеспечении, а также правоприменительная деятельность невозможна без оценки межотраслевых принципов, играющих особое значение не только в контексте права социального обеспечения, но и всего социального права.

Цель настоящего исследования заключается в анализе роли принципов права социального обеспечения в реализации межотраслевых принципов.

Поставленная выше цель определила решение следующих **задач**:

- охарактеризовать систему межотраслевых принципов в контексте их реализации в отраслевых принципах права социального обеспечения;

- проанализировать отдельные межотраслевые принципы в рамках взаимовлияния и взаимообусловленности с системой принципов права социального обеспечения;

- выявить закономерности правотворческой и правоприменительной деятельности в разрезе взаимообусловленности и взаимосвязанности межотраслевых и отраслевых принципов.

Решение поставленных задач определяет и **научную новизну** настоящего исследования.

Межотраслевые принципы – это принципы, свойственные двум и более отраслям права. «Чаще всего их межотраслевой характер обусловлен тем, что соответствующие отрасли права имеют единые исторические основы и в какой-то момент развития права выделились из одной и той же общей для них отрасли. В то же время каждый из этих принципов по-своему конкретизируется в различных отраслях права» [1, с. 108].

При этом «межотраслевые принципы не являются абсолютно обособленными от общих принципов права, наоборот, они базируются на них, конкретизируя те или иные основополагающие идеи, пронизывающие содержание права в целом, с учетом специфики отраслей права» [2, с. 114].

По мнению М. В. Филипповой, к числу межотраслевых принципов, находящим своеобразное преломление в сфере регулирования социально-обеспечительных отношений, относятся принципы: равенства форм собственности, защиты от бедности, государственной поддержки семьи, охраны здоровья, единства и дифференциации [3].

Во многом схожую позицию занимают М. Л. Захаров и Э. Г. Тучкова, которые к числу межотраслевых принципов относят: право на защиту от безработицы; право на охрану здоровья; государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства; право пожилых граждан, инвалидов на социальную защиту; право на защиту от бедности.

Анализ научного подхода М. В. Филипповой позволяет сделать ряд принципиальных возражений. В частности, обосновывая принцип равенства форм собственности, ученый отмечает, что «застрахованные лица в сфере социального обеспечения имеют равные права независимо от того, на какой форме собственности основана деятельность страхователя (то есть страхователя в социально-страховых отношениях); наряду с этим указывается и на то, что страхователи имеют равный правовой статус независимо от формы их собственности» [3, с. 96].

По нашему мнению, подобного рода подход не обосновывает наличия принципа равенства форм собственности, так как первый пример касается, главным образом, реализации конституционного права гражданина на отдельный вид социального обеспечения и специфики осуществляемой деятельности. При этом сам по себе принцип равенства форм собственности здесь не имеет никакого юридического значения. В данном случае и в рассматриваемом М. В. Филипповой примере из решения Конституционного Суда РФ от 3 июня 2004 года № 11-Псуд исходил из конституционного принципа равноправия и справедливости. Одновременно сама форма собственности рассматривалась на предмет обоснованности либо необоснованности с точки зрения правомерности проведенной законодателем дифференциации в области пенсионного обеспечения. Наряду с этим следует отметить, что само по себе содержание принципа гражданского права о равенстве форм собственности трактуется в ином ключе [4], нежели подход, предложенный М. В. Филипповой для права социального обеспечения, что также исключает возможность распространения данного принципа на систему социально-обеспечительных отношений.

В связи с этим, более обоснованным видится формальное выражение этого принципа как принципа равных возможностей в реализации права на социальное обеспечение, независимо от организационно-правовой формы и формы собственности. Это более корректно по форме выражения

и содержанию и соответствует правовой природе гражданско-правового принципа юридического равенства, в том числе по признаку формы собственности.

Второй принцип, выделенный М. В. Филипповой, М. Л. Захаровым и Э. Г. Тучковой – это принцип защиты от бедности. Авторы обосновывают его «через проявление в нормах права, устанавливающих размеры обеспечения нетрудоспособных, условия обеспечения, виды социальных рисков, наступление которых дает право на обеспечение» [3, с. 97].

На наш взгляд, подобного рода принцип – это не межотраслевой принцип права социального обеспечения. Во-первых, непонятно, какие иные отрасли права в качестве своего основного принципа устанавливают защиту от бедности. Если говорить о трудовом праве, то данная отрасль лишь устанавливает минимальный уровень гарантированной заработной платы, в то же время эта норма – по сути, не принцип трудового права, а одно из нормативных положений правовой регламентации института оплаты труда. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что минимальный размер оплаты труда (минимальная заработная плата) является одним из критериев, однако далеко не главным индикатором проявления бедности.

Это обосновывается тем, что в рамках государственной социальной помощи основной упор сделан на категорию «прожиточный минимум», который и определяет критерий бедности [5, с. 33–41]. При этом минимальная заработная плата (минимальный размер оплаты труда) рассматривается в контексте трудового права, главным образом не как инструмент защиты от бедности, а как эквивалент стоимости труда. Наконец, и действующее законодательство разграничивает содержание двух терминов: «минимальный размер оплаты труда» и «прожиточный минимум». В частности, ст. 133 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) определяет, что минимальный размер оплаты труда устанавливается одновременно на всей территории РФ федеральным законом и не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения [6]. При этом ст. 421 ТК РФ вводит общее правило о порядке и сроках поэтапного повышения минимального размера оплаты труда до размера, предусмотренного частью 1 ст. 133 ТК РФ, что устанавливается федеральным законом. Наряду с этим судебная практика в рамках разграничения данных понятий также едина. Например, в определении Конституционного Суда РФ от 29 мая 2003 года № 195-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смердова Сергея Дмитриевича на нарушение его конституционных прав ст. 421 Трудового кодекса Российской Федерации» указано, что согласно ст. 37 (часть 3) Конституции РФ каждому гарантируется право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда [7]. Вопрос о том, на каком уровне должен быть установлен минимальный размер оплаты труда, в Конституции РФ не решается – это компетенция федерального законодателя. Кроме того, оспариваемая заявителем норма ст. 421 Трудового кодекса Российской Федерации носит отсылочный характер и сама по себе не может рассматриваться как нарушающая конституционное право каждого на справедливое вознаграждение за труд. Более того, исходя из содержания этой нормы, она не может применяться при рассмотрении конкретных дел об оплате труда работников.

Таким образом, в рамках трудового права РФ с учетом действующего нормативного правового регулирования

можно сделать вывод, что принцип защиты от бедности не играет какого-либо ключевого характера. В этой связи Н. П. Слугина правомерно отмечает, что «даже установление минимального размера заработной платы на уровне прожиточного минимума не решит проблему бедности, поскольку, во-первых, прожиточный минимум не отражает реальные потребности человека, необходимые для нормальной жизнедеятельности его и его семьи; во-вторых, законодательное закрепление минимальной заработной платы на уровне прожиточного минимума предполагает прожиточный минимум только работника, но не учитывает прожиточного минимума нетрудоспособных членов его семьи» [8, с. 13].

Более того, текущая ситуация с минимальным размером оплаты труда и соотношением его с критериями прожиточного минимума и малообеспеченности позволяет говорить о невыполнении данной функции указанной отраслью права и фактическим отсутствием данного принципа в правовой регламентации трудовых и иных непосредственно связанных отношений. В то же время это не исключает в дальнейшем коренного изменения подобного рода ситуации и вхождения соответствующих норм о защите от бедности в правовое регулирование трудово-правовой сферы.

Одновременно следует отметить, что какие-либо иные отрасли права не несут на себе функции защиты от бедности, а направлены на регламентацию правового регулирования соответствующей области отношений (гражданское – имущественные и неимущественные отношения; конституционное – государственные; административное – управленческие и др.).

Сама по себе защита от бедности присуща не всей системе права социального обеспечения, а в большей части такому ее разделу, как государственная социальная помощь. В то же время иные институты даже могут и не апеллировать к защите от бедности как принципу правовой регламентации (например, меры социальной поддержки, предоставляемые Героям РФ или Героям СССР; единовременное пособие при рождении ребенка). Здесь необходимо упомянуть и то, что зачастую цель предоставления отдельного вида социального обеспечения может заключаться не в защите от бедности, а в ином целевом и функциональном назначении: предоставлении дополнительных средств; компенсации дополнительных расходов и др. В этой связи никакой связи между целью предоставления данного обеспечения и уровнем обеспеченности управомоченного субъекта не имеется. Например, средства материнского (семейного) капитала. В данном случае значение принципа защиты от бедности видится больше в содержательном аспекте принципа системы социального обеспечения и социальной защиты, нежели межотраслевого принципа права социального обеспечения, что более соответствует содержательной трактовке, предложенной учеными.

По нашему мнению, выделение принципа социальной защищенности посредством норм и юридических механизмов различной отраслевой принадлежности в качестве межотраслевого принципа видится более обоснованным. Это связано с тем, что основой социальной политики РФ как социального государства выступает «обязанность заботиться о благополучии своих граждан, социально их защищать» [9, с. 310].

Значение указанной выше руководящей идеи в системе правовых принципов трудно переоценить, что обосновывается социальным характером деятельности российского государства и проводимой органами государственной власти и органами местного самоуправления социальной политики, направленной на достижение приемлемого уровня жизни широких слоев населения. Более того, именно

социальная защита выступает «практической реализацией основных направлений социальной политики» [10, с. 294].

Действующее законодательство РФ закрепляет отдельные нормативные положения, касающиеся принципа социальной защищенности. Например, в ст. 8 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливается, что социальная защищенность граждан в случае утраты здоровья обеспечивается путем установления и реализации правовых, экономических, организационных, медико-социальных и других мер, гарантирующих социальное обеспечение, в том числе за счет средств обязательного социального страхования, определения потребности гражданина в социальной защите в соответствии с законодательством РФ, в реабилитации и уходе в случае заболевания (состояния), установления временной нетрудоспособности, инвалидности или в иных определенных законодательством РФ случаях [11]. Во исполнение данной нормы и в целях создания эффективно действующего механизма социальной защищенности в сфере охраны здоровья населения принят и действует комплекс нормативных актов, например: указ Президента РФ от 7 мая 2012 года № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения»; постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 294 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»; распоряжение Правительства РФ от 28 февраля 2013 года № 267-р «Об утверждении комплекса мер, направленных на совершенствование оказания медицинской помощи населению на основе государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» и иные [12; 13; 14].

На наш взгляд, содержание принципа социальной защищенности посредством норм и юридических механизмов различной отраслевой принадлежности должно проистекать из содержания механизма защиты.

С учетом этого О. А. Снежко верно отмечает, что «законодательная защита прав граждан должна обеспечивать защиту всех или большинства граждан; во-вторых, быть своевременной, несмотря на сложность законодательных процедур; в-третьих, исходить из интересов граждан, а не государственной необходимости» [15, с. 143–144]. Данный перечень должен быть дополнен требованиями адекватности и эффективности, что наполняет социально-защитный механизм реальностью исполнения.

В этой связи социальная защищенность предполагает наличие всех указанных выше признаков, что позволяет говорить о создании и функционировании на территории РФ реально существующей социальной политики и системы социальной защиты населения. Изложенное, в свою очередь, позволяет говорить о наличии суверенной социальной демократии, которая, как верно указывает А. И. Косарев, «направлена на решение в своих функциях духовных, социальных, экономических и политических задач, стоящих перед страной и народом» [16, с. 111–112].

Третий принцип – принцип государственной поддержки семьи, под которым, по мнению М. В. Филипповой, понимается оказание материальной поддержки семье в том случае, если собственных усилий трудоспособных членов семьи недостаточно для обеспечения им и их иждивенцам необходимого уровня жизни. Более того, действие данного принципа проявляется не только в материальной поддержке семьи, но и в тех особых социально-обеспечительных мерах, которые направлены на стимулирование передачи

детей, оставшихся без родительского попечения, на воспитание в приемные или опекуны семьи. Для этого предусматриваются специальные пособия опекунам, организационная и материальная поддержка приемных семей, оплата труда приемных родителей и пр. Наряду с этим существуют нормы об ответственности родителей за неисполнение ими своих функций, в том числе в виде лишения права на отдельные виды обеспечения, которые связаны с воспитанием и содержанием детей [3].

Говоря о данном принципе, отметим, что М. В. Филиппова, сводя все содержание принципа государственной поддержки семьи к предоставлению материальной поддержки в случае недостаточности обеспечения, не учитывает, что существуют виды обеспечения, которые предоставляются вне связи с уровнем материального обеспечения семьи, например, все виды пособий на детей за исключением пособия на ребенка. Одновременно материальная поддержка может предоставляться независимо от материального обеспечения, а, наоборот, по факту наличия детей в семье. По сути, в содержательном аспекте в этом и должна проявляться забота государства о детях.

Наряду с этим можно согласиться с мнением Е. Г. Азаровой, которая отмечает, что «в укрупненном виде помощь семье в содержании детей можно охарактеризовать в виде следующих социальных услуг: обслуживание детей детскими дошкольными учреждениями, школами-интернатами, санаторно-лесными школами, оздоровительными лагерями; присмотр за детьми со стороны школы в течение обычного школьного дня; обеспечение их питанием во время пребывания в школах и школьных группах продленного дня» [17, с. 102].

С учетом этого государственная поддержка семей выступает не только в виде материальной поддержки и наличия отдельных негативных санкций, но и в форме оказания отдельных социальных услуг. В то же время многие услуги – это услуги не социально-обеспечительного, а социально-защитного характера, что позволяет вести речь уже не о праве социального обеспечения (ввиду отсутствия социального риска), а о социальной защите. В этом смысле, по нашему мнению, принцип государственной поддержки семьи – это больше не принцип права, а принцип системы социального обеспечения и социальной защиты, носящий во многом идеологический и политический характер. В то же время отдельные его проявления можно увидеть в праве социального обеспечения, например, при правовой регламентации порядка, условий и размера предоставляемых пособий и компенсационных выплат семьям с детьми, в регулировании института социального обслуживания и государственной социальной помощи и др.

М. Л. Захаров и Э. Г. Тучкова обоснованно указывают на то, что принцип государственной поддержки семьи должен включать поддержку и таких институтов, как материнство, отцовство и детство, что объективно оправданно и вытекает из содержания семейной политики, проводимой на территории РФ.

Говоря о межотраслевом характере данного принципа, надо отметить, что идеи о семейной политике находят свое проявление в ряде отраслей права и законодательства. В первую очередь, речь идет о нормах Семейного кодекса РФ. Ст. 1 данного кодекса закрепляет, что регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии

и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи [18]. Одновременно ст. 8 устанавливает общее правило о защите семейных прав судом, органами государственной власти, в том числе органами опеки и попечительства. Все рассмотренные выше положения достаточно ярко выражают отдельные направления принципа государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства и выступают проявлением данного принципа в нормах семейного законодательства РФ.

Не менее важное значение имеет ТК РФ, который в отдельных статьях содержит ссылки к рассматриваемому принципу. Например, одним из проявлений данного руководящего начала выступает нормативное положение об особенностях регулирования труда отдельных категорий работников. В частности, особое значение имеют нормативные положения гл. 41 (Особенности регулирования труда женщин, лиц с семейными обязанностями) и 42 (Особенности регулирования труда работников в возрасте до восемнадцати лет) ТК РФ. Не менее важное значение имеют и иные статьи рассматриваемого документа, в том числе предоставляющего ряд гарантий и компенсаций (например, ст. 64 ТК РФ содержит запрет на отказ в заключении трудового договора женщинам по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей; ст. 70 ТК РФ запрещает установление условия об испытании для беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до полутора лет, а также лиц, не достигших возраста восемнадцати лет; ст. 93 ТК РФ говорит о том, что по соглашению между работником и работодателем могут устанавливаться как при приеме на работу, так и впоследствии неполный рабочий день (смена) или неполная рабочая неделя). По нормам ТК РФ работодатель обязан устанавливать неполный рабочий день (смену) или неполную рабочую неделю по просьбе беременной женщины, одного из родителей (опекуна, попечителя), имеющего ребенка в возрасте до четырнадцати лет (ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет), а также лица, осуществляющего уход за больным членом семьи в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ и др.

Таким образом, принимая во внимание положения ст. 39 Конституции РФ, а также иных нормативных положений, следует констатировать наличие данного принципа и в праве социального обеспечения. При этом принцип государственной поддержки семьи является ключевым нормативным началом при предоставлении видов социального обеспечения (например, пособия по беременности и родам и по уходу за ребенком; материнского (семейного) капитала; пособия по временной нетрудоспособности; компенсационных выплат, в том числе по уходу за ребенком до трех лет; пенсий, в частности пенсий по случаю потери кормильца; государственной социальной помощи и т.д.). Все изложенное подчеркивает межотраслевой характер наличие принципа государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства.

Четвертый принцип, предложенный М. В. Филипповой, М. Л. Захаровым и Э. Г. Тучковой, заключается в охране здоровья населения. При этом М. В. Филиппова отмечает, что содержание данного принципа выражается в создании и обеспечении функционирования системы здравоохранения, в рамках которой предоставляются медицинские услуги населению в значительной части на безвозмездной или безэквивалентной основе, то есть как социально-обеспечительные услуги. Другое проявление принципа

охраны здоровья усматривается в придании заболеванию и травме характера социального страхового случая, при котором гражданин освобождается от работы с выплатой ему за этот период пособия по временной нетрудоспособности либо пособия по беременности или родам, если речь идет об отпуске по беременности и родам [3].

В то же время все изложенные выше аспекты не содержат в себе какого-либо правового регулирования или средств правовой регламентации отношений в сфере охраны здоровья, в связи с чем возникает резонный вопрос о том, является ли принцип охраны здоровья принципом права. В свою очередь, второе проявление принципа охраны здоровья в рамках придания различным юридическим фактам статуса социального страхового риска в полном объеме охватывается содержанием иного принципа – принципа единства и дифференциации.

Наряду с этим обращает на себя внимание и то, что институт охраны здоровья населения – это составная часть системы социальной защиты, а не социального обеспечения, в связи с чем и функционирование различных учреждений здравоохранения – это не вопрос права социального обеспечения. В связи с этим даже если и поставить вопрос о существовании в качестве отдельного принципа охраны здоровья, то необходимо говорить об этой правовой конструкции как о принципе системы социального обеспечения и социальной защиты, регламентирующей общие постулаты системы здравоохранения РФ.

Изложенное позволяет сделать вывод, что принцип охраны здоровья действительно присутствует в ряде отраслей права и законодательства и налагает существенный отпечаток на возникающие отношения. Например, в рамках экологического права действуют два федеральных закона, построенных, в основном, на принципе охраны здоровья, а именно: Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и Федеральный закон от 30 марта 1999 года № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [19; 20]. В то же время для права социального обеспечения указанный принцип характерен в рамках системы принципов социальной политики, как отражающий общие конституционные направления проводимого комплекса мероприятий в сфере социальной защиты, предусмотренных в ст. 7 Конституции РФ.

Наконец, последний межотраслевой принцип, предложенный М. В. Филипповой – принцип единства и дифференциации. Действительно, существование данного принципа как в праве социального обеспечения, так и в нормах трудового права не вызывает сомнений. В то же время его содержательный момент в контексте правовой регламентации трудовых отношений и отношений в сфере социального обеспечения различен. В частности, в трудовом праве речь идет об особенностях правового регулирования труда отдельных категорий населения. Однако право социального обеспечения придает содержанию данного принципа несколько иное значение. С одной стороны, речь идет о многообразии видов, условий, размеров и порядке предоставления отдельных видов социального обеспечения. В этом проявляется многосторонность права социального обеспечения и направленность на обеспечение всех и каждого различными видами социального обеспечения, но с учетом заслуг, трудового (страхового) стажа либо характера выполняемой деятельности или условий

ее осуществления. С другой стороны, принцип единства и дифференциации, в основу которого заложен учет субъекта – получателя отдельных видов социального обеспечения (инвалида, участника Великой Отечественной войны или других боевых действий, лица, пострадавшего от радиационных и (или) техногенных катастроф и др.), проявляется в предоставлении особых условий, видов и размера обеспечения. С учетом этого, многие ученые усматривают в данном аспекте определенные сходства с принципами трудового права. В то же время оба аспекта должны быть рассмотрены в совокупности как элементы проводимой государством социальной политики.

В этом смысле принцип единства и дифференциации существует лишь в праве социального обеспечения и носит отраслевой характер.

С учетом вышеизложенного, можно сделать обоснованный вывод, что система межотраслевых принципов находит свое реальное воплощение в системе отраслевых принципов права социального обеспечения и выступает своеобразным стандартом «императивных норм, при помощи которых обеспечивается защита публичных интересов» [21, с. 275].

На основе проведенного анализа, автор приходит к следующим **выводам**:

1. Более обоснованным видится формальное выражение принципа равенства форм собственности как принципа равных возможностей в реализации права на социальное обеспечение, независимо от организационно-правовой формы и формы собственности. Это более корректно по форме выражения и содержанию и соответствует правовой природе гражданско-правового принципа юридического равенства, в том числе по признаку формы собственности.

2. Существуют объективные предпосылки для выделения принципа социальной защищенности в качестве межотраслевого принципа, что опосредовано существующей системой норм и юридических механизмов различной отраслевой принадлежности. При этом социальная защищенность и ее реальное существование позволяет говорить о создании и функционировании на территории РФ реально существующей социальной политики и системы социальной защиты населения. Вышеизложенное, в свою очередь, позволяет судить о наличии суверенной социальной демократии.

3. Принцип государственной поддержки семьи – это больше не принцип права, а принцип системы социального обеспечения и социальной защиты, имеющий во многом идеологический и политический характер. В то же время отдельные его проявления можно увидеть в праве социального обеспечения, например, при правовой регламентации порядка, условий и размера предоставляемых пособий и компенсационных выплат семьям с детьми, в регулировании института социального обслуживания и государственной социальной помощи и др. При этом данный принцип является ключевым нормативным началом при предоставлении видов социального обеспечения (например, пособия по беременности и родам и по уходу за ребенком; материнского (семейного) капитала; пособия по временной нетрудоспособности; компенсационных выплат, в том числе по уходу за ребенком до трех лет; пенсий, в частности пенсий по случаю потери кормильца; государственной социальной помощи и т.д.). Все изложенное достаточно очевидно указывает на наличие принципа государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства в праве социального обеспечения и подчеркивает его межотраслевой характер среди принципов социального обеспечения и социальной защиты.

4. Принцип охраны здоровья действительно присутствует в ряде отраслей права и законодательства и налагает существенный отпечаток на возникающие отношения. В то же время для права социального обеспечения указанный принцип характерен в рамках системы принципов социального обеспечения и социальной защиты, как отражающий общие конституционные направления проводимого

комплекса мероприятий в сфере социальной защиты, предусмотренных ст. 7 Конституции РФ.

5. Система межотраслевых принципов находит свое реальное воплощение в системе отраслевых принципов права социального обеспечения и выступает своеобразным стандартом в правотворческой и правоприменительной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Право социального обеспечения: учеб. пособие для вузов / под ред. Ю. П. Орловского. М. : Издательство Юрайт, 2014. 539 с.
2. Захаров М. Л., Тучкова Э. Г. Право социального обеспечения России : учеб. для студентов вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ВолтерсКлувер, 2005. 640 с.
3. Право социального обеспечения: учеб. / под ред. М. В. Филипповой. М. : Юрист, 2006. 446 с.
4. Предпринимательское право России: учеб. / отв. ред. В. С. Белых. М. : Проспект, 2010. 656 с.
5. Челнокова Г. Б. Социальное законодательство, направленное на защиту от бедности в России : науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2009. 104 с.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. М. : Юрид. лит., 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2003 г. № 195-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смердова Сергея Дмитриевича на нарушение его конституционных прав статьей 421 Трудового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2016).
8. Слугина Н. П. Правовая защита работников с семейными обязанностями в сфере труда и социального обеспечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 23 с.
9. Рыбинцева Е. В. Финансовые основы права граждан на социальное обеспечение в России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 4 (33). С. 310–314.
10. Медведев А. В., Плешакова И. Н. О некоторых вопросах социальной защиты безработных граждан // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 4 (33). С. 294–299.
11. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. М. : Юрид. лит., 2011. № 48. Ст. 6724.
12. Указ Президента РФ от 7.05.2012 г. № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» // Собрание законодательства РФ. М. : Юрид. лит., 2012. № 19.
13. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 294 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» // Собрание законодательства РФ. М. : Юрид. лит., 2014. № 17. Ст. 2057.
14. Распоряжение Правительства РФ от 28.02.2013 г. № 267-р «Об утверждении комплекса мер, направленных на совершенствование оказания медицинской помощи населению на основе государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» // Собрание законодательства РФ. М. : Юрид. лит., 2013. № 9. Ст. 1014.
15. Снежко О. А. Защита социальных прав граждан: теория и практика : монография. М. : ИНФРА-М, 2013. 274 с.
16. Косарев А. И. Суверенная социальная демократия // Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении : сб. ст. и материалов / сост. С. Е. Заславский. М. : Рос. газета, 2007. 191 с.
17. Азарова Е. Г. Социальное обеспечение детей: теоретические подходы: монография. М.: КОНТРАКТ, 2012. 256 с.
18. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. М. : Юрид. лит., 1996. № 1. Ст. 16.
19. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. М. : Юрид. лит., 2002. № 2. Ст. 133.
20. Федеральный закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Собрание законодательства РФ. М. : Юрид. лит., 1999. № 14. Ст. 1650.
21. Квициния Н. В., Нарушкевич С. В. Проблемы понятия и правового статуса сверхимперативных норм в международном частном праве: сравнительно-правовой анализ // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 4 (33). С. 275–280.

REFERENCES

1. Law of social security: training. Textbook for higher schools / under the editorship of Y. P. Orlovsky. M. : Publishing House Yurait, 2014. 539 p.
2. Zakharov L. M., Tuchkov A. G. Social security Law of Russia: textbook for University students. 4th edition, revised and amended. M. : Walters Clover, 2005. 640 p.
3. Social security law: the textbook / under the editorship of M. V. Filippova. M. : Yurist, 2006. 446 S.
4. Business law of Russia: textbook / editor-in-chief V. S. Belov. M.: Prospect, 2010. 656 p.
5. Chelnokova G. B. Social legislation aimed at protection from poverty in Russia: textbook. M.: Prospect, 2009. 104 p.
6. Labor code of the Russian Federation dated 30.12.2001 No. 197-FZ // SZ RF. 2002. No. 1 (p. 1). Art. 3.
7. The definition of the constitutional Court of the Russian Federation dated 29.05.2003. No. 195-OZ «About refusal in admission for consideration of the complaint of the citizen Smerdov Sergei Dmitrievich violation of his constitutional rights by article 421 of the Labour code of the Russian Federation» [Electronic resource] // SPS «Consultant Plus» URL: <http://www.consultant.ru> (date of viewing: 03.03.2016).
8. Slugina N. P. Legal protection of workers with family responsibilities in the sphere of labor and social welfare: abstract of dissertation of the candidate of law. Sciences. M., 2007. 23 p.

9. Rybintseva E. V. Financial fundamentals citizens' rights to social security in Russia // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. No. 4 (33). P. 310–314.
10. Medvedev A. V., Pleshakova I. N. On some issues of social protection of unemployed citizens // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. No. 4 (33). P. 294–300.
11. Federal law dated 21.11.2011 No.323-FZ «On the bases of health protection of citizens in Russian Federation» // SZRF. 2011. No. 48. Art. 6724.
12. The decree of the President of the Russian Federation dated 7.05.2012 No. 598 «On improvement of state policy in the sphere of health protection» // SZ RF. 2012. No. 19. Art. 2335.
13. The decree of the Government of the Russian Federation dated 15.04.2014. No.294 «On approval of the state program of the Russian Federation «health care Development» // SZ RF. 2014. No. 17. Art. 2057.
14. The order of the Government of the Russian Federation dated 28.02.2013. No.267-R «On approval of complex measures aimed at improving the provision of medical care on the basis of the state program of the Russian Federation «Development of health» // SZ RF. 2013. No. 9. Art. 1014.
15. Snezhko O. A. Protection of social rights: theory and practice: monograph. M. : INFRA-M, 2013. 274 p.
16. Kosarev A. I. Sovereign social democracy // Sovereign democracy in the constitutional-legal dimension: collection of articles and materials / comp. S. E. Zaslavsky. M., 2007. 191 p.
17. Azarov E. G. Child welfare: theoretical approaches: monograph. M. : CONTRACT, 2012. 256 p.
18. Family code of the Russian Federation dated 29.12.1995. No.223-FZ // SZ RF. 1996. No. 1. Art. 16.
19. Federal law dated 10.01.2002 No.7-FZ «On environmental protection» // SZ RF. 2002. No. 2. Art. 133.
20. Federal law dated 30.03.1999 No.52-FZ «On the sanitary-epidemiological welfare of population» // SZ RF. 1999. No. 14. Art. 1650.
21. Kvitsiniya N. V., Narushkevich S. V. Issues of the concept and legal status of the super-imperative norms in the international private law: comparative legal analysis // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. No. 4 (33). P. 275–280.

Как цитировать статью: Медведев А. В. Роль принципов права социального обеспечения в реализации межотраслевых принципов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 2 (35). С. 205–211.

For citation: Medvedev A. V. The role of the principles of social security law in implementation of the cross-sectoral principles // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2016. No. 2 (35). P. 205–211.

УДК 342.743:343.359
ББК 67.402.23

Filippova Anna Vladimirovna
candidate of law,
associate professor of the department of information,
business and trade law of
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow,
e-mail: AFilippova@mesi.ru

Филиппова Анна Владимировна,
канд. юрид. наук, доцент
кафедры информационного, предпринимательского
и торгового права Российского экономического
университета им. Г. В. Плеханова,
г. Москва,
e-mail: AFilippova@mesi.ru,

Dyuzhov Alexy Vladimirovich,
candidate of law, associate professor
of the department of administrative
and financial law of Plekhanov Russian
University of Economics,
Moscow,
e-mail: adujov@rambler.ru

Дюжов Алексей Владимирович,
канд. экон. наук, доцент
кафедры административного и финансового права
Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова,
г. Москва,
e-mail: adujov@rambler.ru,

Fedorova Irina Anatolievna,
candidate of law,
associate professor of the department
of civil law and procedure of
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow,
e-mail: newlow@yandex.ru

Федорова Ирина Анатольевна,
канд. юрид. наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса
Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова,
г. Москва,
e-mail: newlow@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ИНОСТРАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CONSIDERATION OF MAXIMIZING EFFICIENCY OF TAX CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF FOREIGN LEGAL ENTITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право
12.00.04 – Financial law; tax law; budget law

Авторами анализируются формы и методы налогового контроля за деятельностью иностранных организаций в России. Авторами обоснованы предложения по введению

дополнительных мер налогового контроля и разработке единых регистров налогового учета доходов и расходов иностранных организаций в России. Обоснована необходимость